

Татьяна Люшина

Девушка
из нежной стали

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина

Девушка из нежной стали

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алюшина Т. А.

Девушка из нежной стали / Т. А. Алюшина — «Эксмо»,
2016 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-699-91441-8

Вика столкнулась с самым страшным, что может случиться с женщиной: ее ребенка собираются нелегально использовать в качестве донора органов. Ей остается только бежать, прихватив с собой малыша. Преследователи дышат в спину, и, чтобы спастись, Виктория вынуждена разыскать отца Степы, человека, который, как она считает, ее предал. Ранее роман издавался под названием «Побег при отягчающих обстоятельствах»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91441-8

© Алюшина Т. А., 2016
© Эксмо, 2016

Алюшина Татьяна

Девушка из нежной стали

© Алюшина Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Надсадно, устало проскрипев ржавой пружиной, дверь открылась.

– Проверь, никого там нет? – услышала Вика женский голос.

Негромко хлопнули одна за другой двери трех туалетных кабинок, четвертую, превращенную в кладовку уборщицы, в которой сидела на перевернутом вверх дном ведре Вика, проверяющие не удостоили вниманием.

«Ночные медсестры», – поняла она.

Отупев за последние два дня от своих безысходных дум, она никак не могла запомнить имен медперсонала, кроме Степкиного лечащего врача, поэтому даже не пыталась вспомнить, как зовут сегодняшних дежурных медсестричек.

– Ты поняла, что происходит? – послышался приглушенный голос.

– Да поняла, конечно! Черт, я сначала сомневалась, а сейчас увидела этого Витю, так уж какие сомнения. Хорошо, хоть за нами в туалет не поперся!

Щелкнула зажигалка. Девушки закурили, в каморку, где она сидела, потянуло едким дымом дешевых сигарет.

– Я из ординаторской посмотрела, машина у входа стоит. Все, ей с пацаном не выйти!

– Ну как это возможно, Ларис? – возмутилась вторая девушка.

– Ты как с луны свалилась, Светка! Ты хоть представляешь, какие там бабки? Помнишь, месяц назад был этот мальчик, Никита? Все ведь точно так же происходило. Положили его в палату, в седьмую палату, в отдельную. На вид он совсем здоровый, а анализы ужас, прямо срочно на стол! В субботу и воскресенье дежурил этот Вениамин, я как раз в воскресенье на сутки заступила, так что видела, как он сам мальчика и его мамашу на «Скорой» увозил, якобы в детский реанимационный центр. А мальчишка здоровый был, это я тебе точно говорю!

– Да этот тоже здоровый, ты же видишь! При таких анализах ему назначают иммунные и общеукрепляющие, это же бред полный! Можно же как-то в этом разобраться!

– Клавдия тогда пыталась. Она в понедельник вышла, такой крик подняла, ты же ее знаешь. Позвонила в реанимацию, а мальчик туда не поступал. Она куда-то звонила, ездила, – девушка понизила голос до шепота, – я тогда случайно стала свидетелем, как она с заведующим ругалась, я несла ему истории на подпись, слышу, Клавдия орет у него в кабинете. Он ей говорит: «Клавдия Ивановна, мы ничего не сможем доказать, и не лезь в это, без головы останешься». А она: «Это здоровые дети, и они проходят через наше отделение. Увольте его, если ничего не можете, обратитесь в полицию, в прокуратуру!»

– А он?

– А он говорит, что уволить не может, и в органы уже обращался, а оттуда официальный ответ пришел, что факты не подтвердились.

– Боже мой! Неужели ничего нельзя сделать?! – воскликнула вторая девушка.

– Клавдия потом мамаше этой звонила, оказывается, этому Никите удалили почку, так эта дура еще и благодарит – спасибо, спасли ребенка!

– Ларис, может, этой мамаше намекнуть?

– Ты что, дура? Витя на посту у нас всю ночь сидеть будет, он же их пасет, и внизу машина стоит.

– Может, Клавдии позвонить?

– Ага, чтобы ей голову снесли. Светка, прекрати, мы ничего не можем сделать, ей просто не дадут с пацаном из больницы выйти.

– Как ее вообще угораздило к нам со здоровым ребенком попасть? – вздохнула собеседница.

– Не знаю, через поликлинику как-то, у них везде свои люди. Все, пошли.

– Лар, а вдруг все-таки можно чем-то помочь? Если вколоть мальчику что-нибудь, чтоб ему плохо стало, тогда его не заберут?

– Ага, и они сразу поймут кто и что вколол, а потом сама представь, что с нами будет. Вот отдежурим, пойдем ко мне и напьемся от такого скотства, а сейчас успокойся, валерьянки выпей, а то, не дай бог, Витя поймет, что мы о чем-то догадываемся.

– А знаешь, все потому, что она мать-одиночка, без мужа или родителей богатых. Вот хрен бы они мальчишку тронули, если бы она крутая была!

– Других бы небогатых нашли. Идем, а то Витек за нами сюда припрется.

Хлопнула створка окна, приоткрытого во время перекура, затем простонала дверная пружина, выпуская девушек в коридор.

Дотлев до фильтра, сигарета обжигала Вике пальцы. Почувствовав боль, она непонимающе посмотрела на руку и автоматически затушила тлеющий бычок в крышечке от сока, служившей ей пепельницей.

– Так! – громко сказала она, стараясь осознать реальность. – Так!

Невероятное облегчение прокатилось от головы по всему телу, ударив током в кончики пальцев на руках и ногах, сменившись на мгновение растерянностью, и вдруг, откатившись волной назад, выстрелило в мозг густой, ослепляющей яростью.

Сердце быстро заколотилось, громяхая в ушах, в руках, в ногах и почему-то в животе.

Под эти барабанные удары, остужая разум, откуда-то из глубины сознания, из неизвестной ей личности, вычищая ненужное – страхи, обвинения, в Вике нарастало и укреплялось нечто мощное, пугающее своей силой. Инстинкт матери, защищающей дитя, первобытный, обостряющий невероятно все чувства, эмоции, мысли.

– А теперь я возьму себя в руки и очень хорошо все обдумаю!

Вика, подавив в себе порыв немедленно бежать к Степке, прижать его, прикрыть от всех напастей, контролируя каждое свое движение, достала еще одну сигарету и закурила.

Увидев список врачей и анализов, которые им необходимо собрать, Вика подумала, что, оказывается, она собирается отдать сына не в садик, а не иначе как в школу космонавтов. Но мама собралась замуж, к всеобщей, надо сказать, радости, и сидеть со Степкой больше было некому. На семейном совете решили отправить Степана в садик. Вика взяла на работе отпуск за свой счет и, мысленно закатав рукава, в понедельник начала «кампанию».

Но уже в среду как гром среди ясного неба прозвучал приговор участкового врача:

– Судя по анализам, у вашего ребенка больные почки. Это очень серьезно.

– Как? – оторопела Вика. – Он здоров, ни на что не жалуется! Полгода назад мы сдавали анализы и все было в порядке!

– Понимаете, Виктория Борисовна, болезни почек очень коварны. К сожалению, не всегда сразу можно поставить диагноз. Я на вашем участке недавно, но и моя предшественница написала, что есть подозрения на почечную недостаточность. Она вам не говорила?

– Нет. Где это написано? – спросила Вика.

– Вот.

Докторша передала ей Степкину карточку и ткнула пальцем в листок с записью о приеме. Разобрать хоть что-то было нереально. Почему, черт возьми, все врачи пишут так, что даже

иероглифы кажутся более понятными. Может, их специально этому в институтах учат? Может, это вообще не русский язык, а какой-то понятный только им, врачам?

– Тут совершенно ничего не разобрать! – возмутилась Вика и вернула карточку.

– Да, медицинские термины. Вы не пугайтесь так, я выпишу вам направление в платную лабораторию. У вас есть средства, чтобы сделать дорогие анализы?

– Что? – Вика так растерялась, что никак не могла сообразить, что же делать. – А, да, да. Конечно, есть.

– Вот и хорошо, – улыбнулась доктор, заполняя какие-то бумажки. – Вот сделаете анализы, мы и посмотрим, что к чему, вдруг не все так страшно. Ребенок мог съесть что-нибудь не то или болел недавно.

– Он не болеет, – машинально ответила Вика.

– Вы могли и не заметить, как он простуду на ногах перенес.

– Как это можно не заметить? – раздражалась Вика.

– Бывает, – туманно ответила врач. – Вот направления, завтра с утра, на голодный желудок. – Она протянула еще один листок и пояснила: – Это адрес и схема, как найти лабораторию. Получите результаты, и сразу ко мне.

Следующую неделю, пока длилась пытка ожидания результатов, Вика пребывала в каком-то непонятном ступоре. Она все присматривалась внимательно к Степику, старалась не отпустить его от себя, поминутно задавала ребенку дурацкие вопросы: не болит ли у него где-нибудь, не устал ли он.

Мама вздыхала, глядя на нее, пыталась успокоить, отвлечь и, в конце концов, не выдержав, отчитала:

– Прекрати все это, Викуля! Сама изводишься и ребенка пугаешь!

– Да я понимаю, мам, – устало согласилась Вика и села за стол на кухне, где ее застал мамин выговор.

Мама поставила перед ней кружку с кофе и села напротив.

– Мамуль, он же у нас никогда не болел! Откуда это свалилось-то? – спросила Вика возмущенно.

– Ты не паникуй раньше времени! Вот завтра анализы получишь, а там посмотрим, что делать.

Что делать, ей объяснили на следующий день, в пятницу, когда Вика, получив результаты в лаборатории, пришла со Степкой на прием к участковому педиатру.

– Виктория Борисовна, – решительно начала врач. – Тут явная запущенная болезнь, может, патология. Я сейчас позвоню в детскую урологию, если у них есть место, мы сразу отправим вас с ребенком в больницу.

– О господи! – в ужасе выдохнула Вика и крепко прижала к себе Степана, сидевшего у нее на коленях.

Врач разговаривала с кем-то по телефону, Вика не прислушивалась, оглохнув от беды, грянувшей так внезапно.

– Что? – только спросила она о результатах переговоров.

– Сейчас позвоню в отделение, дежурному врачу, – ответила врач. – Сказали, что место найдется.

Когда ей ответили, у докторши изменилось выражение лица и манера разговора:

– Вениамин Андреевич? – с придыханием, заискивающе-любезно, спросила она. – Здравствуйте. Это Лидия Ивановна из детской поликлиники. Да, да! – Она выслушала с благоговением, что ей говорят. – Ах, значит, Ирэна Альбертовна вам уже звонила. Ну и прекрасно! Да, у меня тут особый мальчик.

Врач посмотрела странным взглядом на Вику, прижимающую к себе Степана, и пояснила, как показалось Вике, специально для нее:

– Похоже, что здесь сложная патология. Да, анализы сделали. Три года. Хорошо. Ждем! – Она положила трубку и улыбнулась. – Вот все и уладилось! У них как раз место есть, за вами сейчас машину пришлют, а я напишу направление.

– Да мы сами можем добраться, вы скажите куда, – ответила Вика.

– Нет, нет! – проявляя чудеса заботливости и испугав этим еще больше Вику, возразила доктор. – Сейчас за вами приедут.

– Нам надо вещи собрать, – пролепетала Вика.

– Вы одни живете?

– С мамой.

– Вот вы ей позвоните, пусть она все необходимое привезет, – пододвигая к Вике телефон, предложила Лидия Ивановна.

Все дальнейшие события развивались слишком стремительно и как-то нереально, как в странном интеллектуальном кино для «круто умных», как выражалась подруга Ольга.

Вика никак не могла сообразить, что ее удивляет и настораживает в происходящем, не укладываясь в обычную логику. Холодея от ужаса, она подумала, что у Степки обнаружили что-то очень серьезное, о чем ей, матери, врач даже не решилась сказать, и именно поэтому вокруг них с сыном развили такую бурную деятельность, окружив ненормальным вниманием.

В ожидании машины и пока врач писала и заверяла у начальства направление в больницу, их со Степкой отвели в соседний кабинет, где сидела улыбчивая медсестра и заполняла какие-то бланки. Понемногу приходя в себя от первого потрясения и автоматически отвечая на бесконечные Степкины вопросы, Вика подумала:

«С чего к нам столько внимания? Почему нельзя и вещи-то собрать? Даже если у Степана очень серьезное заболевание, кому сейчас в обычной государственной поликлинике до этого дело? Он же не сын президента или депутата какого! Я понимаю, если бы инфекционное что-то, а не почки! Что вообще происходит или они тут очень заботливые?»

– Витуся! – говорила ей мама. – У тебя мозги работают как у профессионального следователя. Почему ты не пошла в юридический?

– Ну да, чтобы стать опером с Петровки! Очень романтично! – смеялась в ответ Вика.

– Да с тобой ни один детектив смотреть невозможно, ты уже вначале знаешь, кто злодей и в чем интрига!

– Нет, спасибо, я вполне хорошо чувствую себя бухгалтером! Кстати, в бухгалтерии логики требуется больше, чем в любом детективе, – пока сведешь все цифры, помня про каждую запятую, каждую бумажку и копейку, таким следователем станешь!

Понять, что ее тревожит в откровенно странном поведении медперсонала, Вика не успела. Через час в кабинет стремительно влетел невысокий, пухленький мужчина лет тридцати.

– Ну, где у нас тут мальчик? – жизнерадостно спросил он.

– Мальчик, это я! – ответил Степан.

– Прекрасно, прекрасно! – чему-то радовался доктор.

Он сел на стул и притянул к себе за руку Степана.

– Что болит? – спросил он.

– Ничего! – бодро, в тон доктору, ответил мальчик.

– Вот и хорошо!

Он погладил Степку по голове и посмотрел на Вику:

– Для трех лет ваш сын очень крупный мальчик.

– Через неделю ему будет четыре, – ответила Вика.

– Ну, что ж, идемте! Машина ждет, – хлопнув себя ладонями по пухлым ляжкам, воскликнул врач.

Вика не спорила.

Ей казалось, что какой-то неведомый режиссер закручивает и закручивает вокруг них непонятный сюжет, и она, находясь внутри фильма, даже не подозревает, по каким правилам развивается сценарий.

Все происходило очень быстро. Степана положили в отдельную палату, а Вика привели в ординаторскую, и Вениамин Андреевич задавал ей массу вопросов, озадачивших ее еще больше все той же нелогичностью.

Почему-то он спрашивал: кем и где она работает, кто ее родители, есть ли наследственные болезни, какие наследственные болезни были у Степкиного отца и так далее. Нет, он, конечно, объяснял, почему спрашивает, мол, необходимо выяснить, не наследственное ли это. Ну, ладно, это понятно, но какое отношение к Степкиной болезни имеют места работы ее и ее родителей и замужем ли она? Выйдя из ординаторской, Вика так и не смогла отделаться от устойчивого чувства тревоги.

Она укладывала Степку спать, когда в палату зашла санитарка, пожилая, обрюзгшая женщина, на лице которой отпечаталась бесконечная усталость.

– Ты в палате сама убирай, у меня на вас всех сил нету! – воинственно, хронически раздраженным тоном заявила она.

– Конечно, уберу, вы только скажите, где взять инвентарь, – согласилась Вика.

– В туалете, в последней кабинке кладовка, там унитаз не работает. Когда приберешься, все на место вернешь и на замок закроешь!

– А ключ? – спросила Вика.

– Да какой ключ! – махнула возмущенно рукой санитарка. – Его отродясь не было! Открывается чем ни попадя, хоть чайной ложкой!

Степка дремал, и Вика, взяв под локоток воинственную даму, аккуратно, стараясь придать жесту уважение, вывела ее в коридор.

– Вы не беспокойтесь, пока мы здесь, я буду сама убирать.

– Хорошо! – ослабив напор, успокоилась женщина. – Я в нескольких отделениях работаю, санитарок в больнице почти нет, копейки платят, медсестрички, а то и сами врачи подрабатывают за санитарок! А куда деваться! Ладно, не забудь каморку запереть!

Пришла мама, принесла их со Степкой вещи, сложенные в Викин стильный кожаный рюкзачок. Вдвоем они все вымыли и навели в палате порядок.

«Любопытно, – думала Вика, возвращая на место орудия санитарного производства, – унитазы крайних кабинок в общественных туалетах так специально делали, чтобы они обязательно ломались и эти кабинки превращались в кладовки для швабр и ведер?»

В туалетной комнате было два окна: одно в этой самой кладовке, второе возле умывальника, оба унылые, с закрашенными облупленной, тоскливо-серой краской. Вика попробовала открыть створку окна в кладовке, это получилось на удивление легко. Взору предстала ржавая решетка и печальный ноябрьский пейзаж за окном. Молодая женщина достала пачку сигарет и закрыла замок на двери, невесело усмехнувшись про себя.

Мамин будущий муж и ее соответственно отчим, Олег Николаевич, говорил:

– Наша российская действительность определяется не бытием, а лениво-изобретательным сознанием, свойственным только нам. Ведь даже воруют изобретательно и от лени. Вот я сейчас Салтыкова-Щедрина перечитываю – двести лет почти прошло, а ничего не изменилось: все те же дураки, дороги, вороватые начальники и чиновники и те же проблемы!

Да уж, понять, зачем нужен замок, который можно открыть даже ногтем, ключ от которого потерял при царе Горохе, и что вообще охраняет этот замок, может только человек, родившийся и выросший в данном бытии.

Следующие два дня стали для Вики каким-то липким, затягивающим кошмаром. В голове крутились вопросы, на которые она не находила ответов, Вика опасалась самого худшего, думая об операции сына, и бесконечно, изматываяще обвиняла себя. Как она могла проглядеть болезнь, ну как?!

Степке было скучно. Он не понимал, почему должен лежать в кровати, когда ему хочется играть, прыгать, бегать, гулять, да просто бесконечно двигаться. Вика, стараясь его развлечь и занять чем-то, читала ему книжки, складывала вместе с ним на прикроватной тумбочке небольшой пазл, рассказывала сказки, но он маялся и все спрашивал:

– Мам, разве я болею? – удивлялся мальчик.

– Врачи говорят, что болеешь, – пыталась объяснить сыну Вика то, что не понимала и боялась сама.

– А как я болею, если у меня ничего не болит? – допытывался Степка.

– Так бывает, болезнь спряталась, и ты ее не чувствуешь.

– Нет, мамочка, так не бывает, – серьезно возражал Степан.

Ему разрешили смотреть мультики. Отведя его в комнату, где стоял телевизор и играли другие дети под присмотром медсестры, Вика, накинув куртку, вышла в больничный сад.

«Ноябрь. Как я не люблю ноябрь!» – с тоской подумала молодая женщина.

Голые, мокрые ветки деревьев, непокрытая еще снегом темная земля, низкое серое небо, мерзнувшие на ветру руки – все это, приправленное стойкими больничными запахами, не выветривающимися даже здесь, в саду, и бесконечными вопросами самой себе, вызывало в ней такую тоску, что впору было завывать.

«Как? Где я его упустила?! Когда просмотрела? Господи, господи! Как можно было не заметить болезнь? Что я за мать такая, если не увидела, что ребенок болен, да так болен, что надо срочно оперировать?»

Чувство безысходности, вины и непоправимости ситуации давило Вику, как бетонная плита, не давая дышать, думать.

Степка рос очень здоровым ребенком. Все врачи удивлялись: надо же, в наше время, при московской экологии, и такой здоровый малыш!

Он родился крупным – четыре двести, эдакий богатырь! Мальчик почти никогда не плакал, хныкал, конечно, когда колики были грудничковые или зубки резались, но чтобы так, как рассказывали другие мамы, орут их малыши, – нет, никогда. В этом плане им с мамой повезло, он хорошо спал, хорошо ел, прекрасно развивался и рос. Они не знали, что такое простуда или грипп у ребенка, не говоря уж о каких-то более серьезных болезнях. Вика старалась раз в полгода водить Степку на осмотр по врачам: стоматолог, ортопед, педиатр, сдавала обычные анализы, на всякий случай. Не всегда получалось сделать все в срок, но она старалась, хоть раз в году проверить его здоровье.

И никогда! Никогда у него ничего не обнаруживали!

Да как же так?! Господи, боже мой, ну как же так?! Как это могло случиться?!

Замерзнув, она вернулась в больницу. Степка все еще смотрел мультики с другими детьми и, не отрываясь от телевизора, махнул ей ручкой, когда она зашла в игровую комнату.

– Вы не волнуйтесь, – успокоила ее медсестра. – Мультки минут через двадцать закончатся, пусть он остается и еще часок с детьми поиграет до ужина.

– Ну, пусть поиграет, – согласилась Вика.

Она бродила по больничному корпусу, с этажа на этаж, поднимаясь по парадной лестнице и спускаясь по запасной в конце длинных больничных коридоров.

Вика увидела, как две санитарки с трудом заталкивают в грузовой лифт огромную железную тележку, нагруженную с верхом узлами с грязным бельем. Скрепя натруженными поржа-

вевшими колесами, тележка тяжело перекатилась, подпрыгнув на стыке так, что несколько узлов вывалилось из нее на пол.

– Давайте я помогу, – предложила Вика, нагибаясь за узлом.

– Ты уж тогда, девушка, помоги тележку в «приемку» довести, – попросила одна из женщин.

Загадочным словом «приемка» называлась большая комната в полуподвале, заставленная широкими полками с прикрепленными на них номерами отделений, на которых лежали мешки с чистым бельем.

Втроем они подкатали тележку к большому железному столу у стены.

– Доставай узлы и бросай их здесь, прямо на пол, – велела санитарка Вике.

Справа от стола находилась широкая транспортерная лента, тянущаяся из комнаты на улицу, через специальное окно, закрытое в данный момент на щеколду двумя железными дверцами.

– Здесь чистое получаем, а грязное выдаем, – пояснила все та же санитарка.

– Спасибо, девушка, – поблагодарила вторая.

– Не за что, – ответила Вика.

Полночи она промаялась, ворочаясь на узком топчане, несколько раз подходила к Степану, который спал, как обычно, крепким, здоровым детским сном, поправляла на нем одеяло, целовала и возвращалась на топчан. Не выдержав маеты душевной, не дающей уснуть, она пошла курить, радуясь хотя бы тому, что можно это сделать тайком в туалетной каморке, а не ходить в предназначенное для курения место в конце черной лестницы у забитой наглухо двери пожарного выхода, продуваемой сквозняками.

Вика не была завзятой курильщицей, но за последние два дня выкурила больше сигарет, чем за всю свою жизнь. Горький дым, даже очень дорогих, импортных сигарет не доставлял удовольствия, зато хоть немного успокаивал.

Уснуть она так и не смогла. Утром пришла мама, принесла горячую домашнюю еду, соки, фрукты. Степка уплетал за обе щеки, а Вика, глядя на здоровый аппетит сына, в сто миллион первый раз задаваясь вопросом, что же это за болезнь такая странная у ребенка, так и не смогла себя заставить проглотить хоть что-нибудь, кроме сока.

Мама отвела Степку в игровую комнату, он уже успел сдружиться с кем-то из детей и рвался играть, а вернувшись, отчитала Вику:

– Виктория! Ты что, с ума сошла? Ты что с собой делаешь?! Ну, случилось несчастье, так надо же с ним справляться! Возьми себя в руки, ты же сляжешь, кто тогда Степану поможет!

– Все в порядке, мам, я справлюсь.

– Ты посмотри на себя, какой порядок?! Ты же с лица спала, похудела!

– Ничего, – усмехнулась Вика, – мне это полезно.

Всю свою жизнь Вика была полненькой. Стройная мама все удивлялась:

– Вроде никого в роду с восточными кровями не было, а у тебя фигура первой гаремной красавицы.

– Да уж, красавицы, – ворчала Вика, – просто толстая бомба!

– Ничего подобного, – возмущалась мама, – у тебя талия, все твои тощие подружки завидуют!

– Зато все остальное!

– Остальное еще лучше! – не сдавалась мама.

– Да с фамилией Шалая и попу ясно, что не то цыгане в роду были, не то, что и похуже! – встревала мудрая и веселая бабушка.

Эти разговоры и споры велись между ними постоянно, весь подростковый период Викиной жизни. Мама очень боялась, что дочь заработает себе комплекс неполноценной толстушки на всю жизнь, и старалась убедить ее, что красота – это совсем не равно худобе. Она таскала Вику по всем своим подругам, друзьям и знакомым, которые дружно, под руководством мамы рассыпались в комплиментах по поводу Викиной фигуры. Выслушав всех, Вика оставалась при своем мнении и садилась на следующую диету. Ни диеты, ни спорт, ни голодания никоим образом не изменяли ее форм, хоть тресни!

Все мытарства в нелегкой борьбе за тонкую фигуру закончились неожиданно и странно в один прекрасный летний день.

Очень прекрасный!

Измученная очередной супердиетой, длившейся уже неделю, и наматыванием кругов по ближайшему стадиону вместе с подругой Ольгой, как и Вика, жаждущей хотя бы приблизиться к идеалу модели, она безрадостно тащилась домой.

Повернув с улицы в свой двор, Вика столкнулась со старичком и поспешила извиниться:

– Простите, пожалуйста!

Старичок улыбнулся и ответил:

– Такой красавице, как вы, многое простительно.

– Да какая красавица, что вы!

– Необыкновенная! – восхитился дедушка. – Я захоживаю в ваш двор поиграть в шахматы с приятелем и частенько вас вижу. Честно признаться, заглядываюсь! Такая фигура, как у вас, большая редкость в наше время, да и во все времена. В начале века еще были дамы с такими формами, а сейчас совсем другие девушки.

– Я просто толстая, – возразила Вика, слегка покраснев от похвалы.

– А вы, наверное, мечтаете быть, как сейчас модно, совсем худой, – разочарованно протянул добродушный старичок.

– Ну, не то чтобы, – постеснялась признаться в своей слабости Вика, – но немного похудеть хотела бы.

– Ни в коем случае! – замахал на нее руками дедок. – Вы не подумайте ничего плохого. Просто я всю жизнь был портным. Очень хорошим портным! Я разбираюсь в фигурах лучше любого скульптора. У вас прекрасные формы: невысокий рост, полная высокая грудь, уж извините, что говорю, очень красивая линия бедер, красивые ноги и необыкновенно тонкая талия. Вы идеал женщины!

– Правда? – с надеждой переспросила Вика.

– Конечно! Вы только, прошу вас еще раз, не подумайте ничего дурного, но я бы с удовольствием сшил для вас вечернее платье, я даже уже придумал, какое оно должно быть! Вот вам моя визитка, если надумаете, приходите вместе с матушкой, конечно. У вас ведь впереди еще выпускной бал, как я понимаю?

– Да, в следующем году.

– Буду счастлив стать вашим портным.

– Вы меня смутили, – покраснела Вика.

– Признаюсь, я и сам смущен, обращаясь к вам, красавица.

– Значит, все-таки красавица? – не удержалась Вика.

– Да! – твердо и убежденно сказал старичок. – Уж поверьте мне!

Вика смотрела на него потрясенным взглядом и чувствовала, как огромная тяжесть, давившая на нее все эти годы, превращается в легкий шарик и улетает в ясное летнее небо, делая ее странно свободной.

– Поверю! – решительно и весело пообещала она.

Влетев в квартиру, она врубила музыку на всю катушку и, подпевая шлягерам, льющимся из динамиков, прошептывала на кухню, где занялась срочным и насущным делом – торже-

ственным отмечанием свободы! Отрезав длинный и тонкий кусок хлеба, она поджарила его в тостере, закусив губу от усердия, намазала его майонезом, выложила на хлеб три внушительных куса колбасы и накрыла это сооружение кружочками помидора.

Почти с благоговением откусив от всей этой красоты большой кусок, Вика кивнула и повторила с полным ртом:

– Поверю!

После чего последовал небывалый акт вандализма: не прекращая жевать и мычать, подпевая гремющей музыке, Вика распахнула балконную дверь и, беря двумя пальчиками, как заразу, глянцевого журнала, с удовольствием отправила их в полет, в кусты возле дома. Все, что нашла в квартире.

С того дня она пропускала мимо себя льющиеся из всех источников информации инструкции и утверждения о том, что единственно правильная красота – это худоба на уровне полного истощения и разнообразные методы по ее достижению в виде разнообразных диет. Да пусть их! Ей было вполне удобно и уютно в своем нежелании хоть как-то улучшать фигуру.

А платье на выпускной вечер ей сшил Самуил Илларионович, тот самый старичок, который перевернул всю ее жизнь в одно прекрасное утро!

Мама пробыла у них в больнице почти весь день, помогая Вике занять Степана, не знающего, куда девать свою энергию. Провожая ее, Вика пообещала:

– Мамоchка, не волнуйся, я действительно справлюсь, просто эта беда так неожиданно и как-то вдруг навалилась. Ладно, если бы он у нас болел, тогда это не было бы так неожиданно, как удар.

– Это всегда удар, даже если ребенок хиленький, – не согласилась мама. – Ты у меня сильная, даже чересчур. Последние годы тебе пришлось быть главой нашей семьи – ты и деньги зарабатывала, и решения принимала, и отвечала за всех нас, а тут такое несчастье, ты просто растерялась. Но, Викуля, ты не одна в этой жизни, у тебя есть я, и Олег Николаевич, и отец, вместе мы одолеем все, и Степку на ноги поставим.

– Я знаю, мамочка, знаю. Одна я бы не справилась, – стараясь изо всех сил не зареветь, ответила Вика.

– Справилась бы, – возразила мама. – И я совсем не уверена, что это хорошо.

– Ты о чем? – удивилась Вика.

– Все о том же, – уклонилась от прямого ответа мама. – Иди, а то там Степка один. Постарайся поспать и отдохнуть.

– Постараюсь, – пообещала Вика, целуя маму в щеку.

Но заснуть и этой ночью не удалось. Она проваливалась ненадолго в какую-то дрему, подсакивала, как от толчка, неслась проверить сына, возвращалась на кушетку, и все повторялось. Устав от бесплодных попыток уснуть, Вика постояла у кровати Степана, поглаживая его по голове, пропуская сквозь пальцы его непослушную челку, все время норовящую закрутиться локоном. Он спал, как обычно – лежа на спине, сцепив ладошки над головой, широко разведя ноги в стороны, почти скинув с себя одеяло. Вика укрыла сына, поцеловала его в щеку и тихо вышла из палаты.

Сидя на перевернутом вверх дном ведре, она курила, аккуратно выпускала дым в небольшую щелку приоткрытой створки окна и думала:

«Мама, конечно, права, надо взять себя в руки, перестать изводиться непониманием, обвинениями и вопросами. Доктор сказал, что, скорее всего, придется оперировать Степика, а его потом на ноги надо поставить, мне для этого все силы понадобятся».

Ржавая пружина на входной двери тяжело и противно проскрипела, отрывая Вику от нелегких мыслей и впуская двух ночных медсестричек.

Она поднялась с ведра, открыла пошире створку окна и вдохнула морозный ночной воздух.

– Вика, будь очень внимательна, не упusti ни одну мелочь, – прошептала она себе. – Так, что у нас в первую очередь? Что-что, смотаться отсюда!

Господи боже, а что еще?! Бежать, улепетывать, сматываться!

Она подумала и возразила первому естественному порыву:

– Смотаться, конечно, но это не в первую очередь. Не в первую!

Вика прикрыла глаза и сжала кулаки, стараясь справиться с волной ярости, накрывающей с головой, как штормовой волной.

«Тихо, тихо! – уговаривала она себя, удерживаясь изо всех сил от погружения в ослепляющую разум ярость. – Это помешает мне правильно мыслить! Вот выберемся отсюда, тогда можно. Думать! Думать, Вика, соображать! Давай!»

Она вышла из каморки, не забыв запереть дверь, прихватила ведро и швабру, подойдя к входной двери, поставила их на пол, поднялась на цыпочки, сняла пружину с вбитого в дверной косяк гвоздя и выглянула в коридор.

В центре длинного больничного коридора, с правой стороны располагался пост дежурной медсестры. Было темно во всем отделении, только тусклые отсветы от лампы, стоящей на столе у дежурной, слегка рассеивали темноту в центре коридора, с поста доносились чуть слышные голоса.

Палата, в которую поместили Степана, находилась на противоположной стороне, через одну дверь, ближе к лестнице черного хода. Стараясь не шуметь, Вика вошла в палату, поставив ведро и швабру возле двери, не удержалась, подошла к Степке и поцеловала его в макушку.

– Солнышко ты мое!

Она прошла к кушетке, на которой спала, достала из-под нее туфли, завернутые в пакет, и переобулась. Порывшись в своей сумочке, нашла связку ключей и крепко сжала в кулаке.

Все! Пора!

«Только бы повезло! Только бы мне очень, очень повезло!»

Приоткрыв дверь, Вика убедилась, что в коридоре пусто, и тихо выскользнула.

Она поднялась по черной лестнице на следующий этаж. В длинном коридоре, таком же темном, как и в их отделении, никого не было, она уже шагнула вперед, когда открылась дверь туалета и вышла женщина с детским горшком в руке, Вика быстро отступила в темноту лестничной площадки. Дождавшись, когда женщина зайдет в палату, Вика пошла по коридору. На посту горела лампа, но за столом никого не было.

«Спасибо, Господи!» – подумала она и почти побежала на цыпочках к выходу.

Спустившись по центральной лестнице на свой этаж, остановилась перед входом, переводя дыхание. Теперь ей предстояло самое сложное.

«Самое сложное на этом этапе, – поправила себя Вика и попросила: – Господи, помоги!»

Все ее чувства и ощущения орали: беги! Бери ребенка в охапку и мотай отсюда! Если тебя сейчас застукают – все! Кранты! Никаких шансов у вас больше не будет!

Но она понимала, что просто так уходить нельзя. Никак нельзя просто бежать!

Ей надо было попасть в ординаторскую, которая находилась за второй дверью, теперь слева, от входа на той же стороне, где и пост.

Вика прислушалась.

Видимо, медсестры пили чай – чуть слышно звякала ложка о чашку.

«Где же этот Витя? И где дежурный врач?»

Она услышала приглушенный мужской голос, что-то говоривший девушкам.

«Будем считать, Витя нашелся. Врач вполне может быть в комнате. Придется рискнуть. Ну, с богом!»

И торопливо перекрестилась на всякий случай, не помешает. Ей сейчас любая помощь нужна!

Она прошла к ординаторской, двигаясь возле самой стены, и очень осторожно, миллиметр за миллиметром, стала нажимать на ручку двери. Дверь оказалась незапертой. Слава богу, в ординаторской царилла темнота. Вика проскользнула в комнату, прикрыла неплотно дверь и постояла, привыкая. Когда очертания предметов стали различимы, подошла к письменному столу, который занимал Вениамин Андреевич в день их поступления и задавал, теперь ставшие понятными ей, вопросы, и, включив настольную лампу, осмотрелась.

Открывая один за другим ящики стола, Вика быстро просматривала бумаги в поисках Степкиной истории болезни. Ничего не найдя в боковых ящиках, попробовала открыть центральный, но он оказался запертым на ключ. Она подошла к книжному шкафу, на полках которого стояли истории болезней. К каждой полке была приклеена полоска бумаги с фамилией лечащего врача, но полки Вениамина Андреевича здесь не обнаружилось, наверное, потому что он работал на полставки. Вернувшись к столу, Вика попробовала подобрать ключ из связки, которую прихватила с собой.

Бесполезно!

– Ну, нет! – прошептала она. – Так просто я не уйду!

Вика осмотрела комнату и увидела на небольшом журнальном столике чайную посуду и электрический чайник.

«Значит, должен быть и нож», – удивившись своему спокойному рассуждению, продолжала поиски Вика.

Открыв сначала одну, а потом вторую тумбочки и осмотрев их содержимое, нашла-таки то, что искала: стеклянную банку, в которой хранились вилки, ложки, и в том числе два ножа. Взяв нож, она метнулась к столу, торопясь осуществить действие, именуемое в полицейских протоколах банальным взломом.

И услышала в коридоре приближающиеся шаги!

Не успев осознать, что делать, Вика хлопнула по кнопке, выключая лампу, и присела на корточки, спрятавшись за столом.

Дверь стала открываться.

«Господи, боже мой. Нет! Только не сейчас! Иди, иди дальше!» – умоляла она.

– Света! – позвал негромкий мужской голос. – Вы там что, чай пьете?

Вика не расслышала, что ему ответили, но дверь закрылась, и шаги стали удаляться.

«Спасибо тебе! Спасибо! Спасибо!» – выдохнула она, чувствуя выступивший на лбу холодный пот, и поняла, как сильно испугалась.

Ну, пугайся, не пугайся, а теперь уж точно она просто так не уйдет! Вика поднялась, включила лампу и, немного повозившись, открыла ящик. Степкина история болезни лежала поверх всех бумаг. Вика схватила ее и уже собиралась закрыть стол, когда обратила внимание на белый конверт, без всяких надписей. Прижав к груди драгоценную папочку, она открыла конверт и достала из него три знакомых цветных листочка, с теми самыми анализами ее сына, за которые она заплатила кучу денег. Быстро сунув и конверт, и бумажки в историю болезни, молодая женщина задвинула ящик и с помощью ножа заперла его.

Обратный путь, с теми же предосторожностями, Вика проделала в два раза быстрее, неслышной ласточкой пролетев по этажам.

Не зажигая света в палате, Вика оделась, сложила в рюкзачок все их вещи и передела спящего сына.

Степик если спал, то спал, и разбудить его было невозможно.

– Нормальный, здоровый, богатырский сон! – радостно шептала Вика, натягивая на сына курточку.

Степкины вещи не забрали при поступлении, как положено в больницах, хоть и пытались, но Вика сказала, что отдаст их маме, чтобы та все постирала, да как-то за своими переживаниями и думами тяжкими забыла.

Хорошо, что забыла!

Соорудив из ведра и швабры на своей кушетке подобие спящего человека, Вика надела рюкзак на плечи, подняла Степку и, перехватив его одной рукой, второй побросала в его кровать какие-то банки, фрукты в пакетах, все, что было в тумбочке, накрыла сверху одеялом. Отойдя к двери, присмотрелась к сооруженной имитации на обеих кроватях.

– Вполне! – решила Вика.

Она устроила спящего сына поудобней на своем плече, вздохнула глубоко, как перед погружением в воду, медленно выдохнула. Так! Теперь, пожалуй, самое сложное!

«Господи! Помогите еще немного! Пожалуйста!» – попросила она.

За дверью ничего не изменилось: в коридоре никого не было, только от медсестринского поста слышались тихие голоса.

Осторожно спускаясь по черной лестнице, она вспомнила, как мама ворчала, когда Вика обувалась, собираясь утром в лабораторию.

– Заморозки уже, что ты в такую холодную обувь обуваешься.

– Они очень удобные, и не так уж и холодно пока, – ответила Вика.

«И бесшумные, – добавила мысленно она, осторожно спускаясь по темной лестнице. – Наверное, правы те, кто считает, что случайностей не бывает. Вот ведь думала же сама, что не стоит их надевать, замерзну, но обулась же! Как бы я сейчас стучала каблуками или шлепала тапочками, бегая по этажам! И белье это не случайно у санитарок в лифте упало!»

Но обдумывать мистику жизни и философские материи ей было некогда.

Теперь нужно проникнуть в бельевое хранилище!

Конечно, оно было закрыто, спасибо, что не опечатано! Впрочем, никакие печати для нее сегодня не имели значения.

Она смотрела на обычный английский замок и думала, как его открыть.

«Может, выбить на фиг? Ну, как я его отрою, я же не домушница? – И усмехнулась: – Ну, да, не домушница, а ящик вскрыла влегкую!»

Вика осмотрелась: длинный темный коридор был еле освещен двумя тусклыми лампочками – одна над входной дверью и вторая над лифтом; метрах в десяти от нее валялся деревянный ящик. Вика подошла к ящику и, толкая его ногой, подогнала к двери бельевой, затем, поставив на ящик левую ногу, усадила на нее Степку и, прижав к себе одной рукой, достала из кармана связку с ключами. Ключей, подходящих к английским замкам, было два – один от старого замка, который Вика так и не выбросила, второй от ныне действующего.

– Попробуем самый простой путь, прежде чем принимать радикальные меры! – подбодрила она себя.

Один ключ даже не вошел в скважину, второй вошел, но не поворачивался. Она пробовала еще и еще раз, пытаясь как-то расшевелить замок.

Черт! Не получилось.

Понимая, что придется сажать Степку на грязный ящик и долбить дверь ногой, Вика в последней, безнадежной попытке перебрала ключи на брелоке и, наткнувшись на небольшой, простецкий ключик от почтового ящика, ничего не ожидая, скорее от безнадёги, сунула его в замочную скважину. Ключик вошел и даже поворачивался в замке, не то от своей хилости, не то от глупости. Она проворачивала, проворачивала его и вдруг услышала щелчок, затем еще один, и дверь открылась.

– Бардак какой-то, а не больница! В коридорах никого нет, все замки открываются черт-те чем! – вместо того чтобы обрадоваться, ворчала Вика.

Убрав ключи в карман и перехватив Степку обеими руками, она пнула ни в чем не повинный ящик, улетевший от такого удара на пару метров, вошла в комнату и захлопнула дверь.

Здесь царила кромешная тьма, но свет зажигать было нельзя.

Упершись рюкзачком в дверь, Вика закрыла глаза и попыталась вспомнить, как они сюда входили с санитарками и в каком направлении ей надо двигаться.

Пребольно стукнувшись обо что-то сначала левым, а потом и правым бедром, Вика все-таки добралась до транспортной ленты.

– Так, маленький, сейчас кое-что посложнее будет, – сказала она спящему сыну.

Уложив ребенка на стол, молодая женщина забралась на транспортер, открыла задвижку и распахнула железные створки окна. Затем переложила Степана со стола на ленту к самому окну, сняла рюкзачок, кинула его на улицу, снова забралась на транспортер, перелезла через сына и вытащила его наружу. Немного повозившись, ей удалось прикрыть створки окна. Это надо было сделать обязательно, чтобы никому не бросилось в глаза распахнутое окно. В криминалистике это, кажется, называется заметать следы.

– И в кого ты такой соня? – улыбнулась она спящему ребенку. – Ничего тебя не разбудит, даже побег через бельевое окно.

Надев на спину рюкзак и взяв Степку на руки, она двинулась к забору. Выйти через ворота, естественно, нельзя, они охраняются, но, как обычно для большинства больниц, в заборе имелась рукотворная дыра, через которую посетители сокращали путь от автобусной остановки к корпусам. Вика провожала маму именно к этой дыре, которой и воспользовалась сейчас без всяких осложнений.

– Полвторого. Хорошо, – посмотрев на часы, порадовалась она.

Этот район Москвы Вика знала очень даже хорошо: на соседней улице жила ее подруга Ольга, с которой они в детстве облазили окрестности вдоль и поперек. Пройдя через переулок, женщина вышла на соседнюю улицу и почти сразу поймала такси.

«Теперь все будет хорошо! – уговаривала себя Вика. – Раз я смогла выбраться и такси поймать, значит, все будет хорошо!»

Таксист, к счастью, оказался неразговорчивым и, спросив, куда ехать, так и молчал всю дорогу, за что Вика была ему очень благодарна.

Она вдруг осознала, что вся дрожит мелкой противной дрожью, идущей откуда-то изнутри и распространившейся по всему телу. За все свои тридцать лет ей не приходилось испытывать ничего подобного. Вика подняла руку, растопырила пальцы, с удивлением рассматривая дрожащую ладонь, перевела взгляд на спящего у нее на руках сына.

«Да что же это такое?!»

Она несколько раз сжала и разжала кулаки, стараясь справиться с дрожью.

«Это просто страх! Страх в чистом виде, вернее, запоздалая реакция на него, «отходняк», как сказала бы Ольга! Нет, нет, нельзя мне так бояться! Не сейчас! Давай, Шалая, соберись! Думай, что дальше делать! Очень хорошо думай!»

Вика позвонила в дверь и стала нашаривать ключи в кармане. Мама не Степка, и спит она весьма чутко, пришлось позвонить, чтобы не напугать ее ночным «вламыванием».

Она еще ковырялась в кармане, доставая ключи, когда замок щелкнул, и дверь распахнулась.

– Олег Николаевич! – обрадовалась Вика и переступила порог. – Вы же на выставке, в Швейцарии.

– Был, – ответил он, забирая у нее Степку. – Но когда Вера рассказала, что у вас здесь происходит, бросил все и прилетел.

– Это замечательно! Вы даже не представляете, как это замечательно!

Вика сбросила рюкзак, перегнулась через Степку, поцеловала будущего отчима в щеку и чуть не расплакалась от облегчения и радости.

Мама познакомилась с ним на выставке, куда затащила ее подруга, тетя Галя, которая где-то достала пригласительные на две персоны. Олег Николаевич был архитектором, и довольно известным. Выставка, на которой они встретились, соответственно была посвящена архитектуре.

Все было ужасно романтично! Он пролил кофе на мамины новые туфли. Маму кто-то толкнул, когда они шли с тетей Галей к свободному столику в кафе, мама толкнула сидящего за столиком Олега Николаевича, он толкнул чашку с только что принесенным официантом кофе, чашка упала маме на ноги.

Цепь счастливых случайностей!

Кофе был горячим и липким от сахара. Мамуле пришлось спешно покинуть выставку достижений современной архитектуры в сопровождении галантного Олега Николаевича, который бросил все свои достижения и поспешил на помощь даме.

И больше они не расставались.

Мама позвонила Вике поздно вечером и, страшно смущаясь, лепетала что-то о том, что не придет ночевать.

– Мам, – перебила ее Вика. – Ты что, у мужчины?

– Да, – после долгой паузы призналась мама.

Вика опешила. После развода с отцом у мамы было два продолжительных романа, но она всегда ночевала дома и никогда не оставалась у мужчины на ночь.

– Мам, – осторожно спросила Вика – он хоть стоит того?

– Он стоит гораздо большего, – ответила серьезно мама.

– Ну и прекрасно! Чего ты тогда смущаешься!

– Ты лучшая дочь в мире! – молодо и звонко рассмеялась мама.

– Вспомни об этом, когда будешь меня за что-нибудь ругать.

На следующее утро мама пришла с кавалером, с цветами, шампанским и кучей сладостей. Оба смущались и старались незаметно держаться за руки. Когда вся семья, в том числе, естественно, и Степан, устроилась за быстро организованным столом, Олег Николаевич обратился к Вике:

– Виктория Борисовна, я сделал предложение вашей маме. В ближайшее же время мы поженимся. Очень хотелось бы, чтобы вы не были против.

– Да господь с вами! Я очень рада!

– А жениться, это когда муж? – спросил Степан, отвлекаясь от куска торта, который старательно запихивал в рот.

– Да, – ответила Вика.

– У Вовы муж бабушки его дедушка. Значит, ты мой дедушка?

– Да, дедушка, – подтвердил Олег Николаевич, улыбаясь.

– Хорошо! – оценил Степка. – А то без дедушки неправильно. – И принялся за свой торт.

Вот так в их семье появился Олег Николаевич. Ему был шестьдесят один год, но выглядел он очень молодо – высокий, подтянутый, спортивный, с озорными темными, почти черными глазами, седой шевелюрой волос. Он был спокойным, мудрым, с замечательным чувством юмора, и как-то сразу вписался в их семью, будто прожил с ними всю жизнь.

– Вика, что случилось? – Мама влетела в прихожую, надевая на ходу халат.

– Вера, – успокаивая ее, сказал Олег Николаевич. – Давай дадим ей возможность раздеться и уложим Степана.

– Не раздевайте его, снимите только ботинки и верхнюю одежду, – попросила Вика.

Она прошла в кухню, плюхнулась на стул, расстегнула куртку, вытащила руки из рукавов, на большее сил не оказалось, и посмотрела на встревоженную растрепанную маму, стоявшую в дверях, прижав ладони к груди.

– Мам, свари, пожалуйста, кофе, – попросила устало Вика.

– Я сварю, – сказал, входя в кухню, Олег Николаевич.

Он нежно взял маму за плечи и усадил ее за стол.

Рассказав то, что услышала ночью, как поняла, что разговор о Степке, сопоставила факты и решила убежать, Вика устало потерла ладонями лицо и попросила:

– Можно еще кофе?

– Тогда обязательно с бутербродом, тебе силы нужны, – утвердил, вставая Олег Николаевич.

– Этого просто не может быть! – возмутилась мама тем же тоном, каким пару часов назад возмущалась медсестра Света в больничном туалете.

– Может, – ответила Вика.

Олег Николаевич поставил перед ней тарелку с бутербродами, чашку кофе и сел рядом с мамой.

– Викуля, тебе надо отдохнуть, – заметил он. – Ложись поспи, а утром я позвоню своему приятелю, высокому чину из МВД, и еще кое-кому, они помогут разобраться.

– Нет, – решительно покачала головой Вика, – это, как говорится, «не катит». Часов в шесть-семь обнаружат наше исчезновение и сразу придут сюда. Высокий чин, как правило, на работу раньше десяти не приходит, они просто не дадут нам никуда позвонить.

– Да кто они-то?! – всплеснула руками мама.

– Я не сказала, но ночью нас со Степкой уже охраняли.

– Как же ты ушла? – спросил отчим.

– Через черный выход.

Он внимательно на нее посмотрел и, поняв больше, чем она сказала, не стал задавать лишних вопросов, а предложил:

– Тогда мы все сейчас поедem ко мне.

– Тоже не катит, – возразила Вика. – Я уже думала об этом. Они выбрали Степика по двум причинам: первое – он очень здоровый ребенок, и второе – мы простая семья, без денег и связей. Когда они узнают про вас, а узнают они очень быстро, что вы человек известный, не бедный и имеете весьма весомые связи, то постараются прикрыть лавочку и, может, захотят убрать меня, как основного свидетеля.

– Господи, Вика! – ахнула перепуганная до крайности мама. – Ты не перегибаешь? Ты сама-то слышишь, что говоришь?! Убрать! Это же абсурд какой-то!

– За всем этим стоят большие деньги. Я же рассказывала, что заотделением получил официальный ответ: факты не подтвердились. Значит, у них в полиции есть кто-то свой, и это не рядовой из районного отделения. – Вика допила кофе и, поставив чашку, пояснила: – Я пока не знаю, как они действуют и кто за ними стоит, но рисковать не собираюсь. Лучше я перестраховуюсь десять раз, чем дам малейшую возможность найти нас со Степкой. А вашу «тяжелую артиллерию» из МВД, Олег Николаевич, мы подключим на последнем этапе, когда понадобятся решительные действия. Ни один высокий чин не поспешит помочь, он сначала даст указание разобраться, узнает, кому и что платят по данному вопросу, взвесит, стоит ли ввязываться самому или потребовать «отката», и так далее. Пока мы будем ждать от него ответа, пройдет несколько дней, а тогда уже никакие следственные действия не дадут результатов.

– Так ты что, хочешь выяснять, проводить расследование? – охнула мама, от страха приложив ладошку к губам.

– Если этого не сделать, то мне придется убежать всю жизнь и постоянно бояться, что Степку в любой момент могут украсть, как идеального донора для кого-то.

– Может, вам уехать к отцу, в Питер? – предложил Олег Николаевич.

– Нет, по тем же самым соображениям: у него нас станут искать в первую очередь. И потом, сколько нам там придется прятаться? Полгода? Год? Всю оставшуюся жизнь?

Родители развелись, когда Вике было десять лет. Папа влюбился в лаборантку из своего НИИ. Взрослые, честно стараясь оградить Вику от выяснения своих отношений, делали вид, что все в порядке днем, а ночью ругались шепотом на кухне, чтобы ребенок не слышал. Но ребенок, конечно, все слышал и понимал, а еще девочка плакала в подушку и стала совершенно неуправляемой.

Однажды Вика прибежала к бабушке вся в слезах: на улице она увидела папу с этой, другой женщиной. Бабушка вытерла ей слезы, накормила самыми вкусными в мире блинами и смогла так объяснить сложившуюся ситуацию, что Вика как-то сразу все поняла и успокоилась.

– Утверждают, – сказала бабушка, – что дети, родители которых развелись, получают душевную травму на всю жизнь и что, став взрослыми, они становятся очень недоверчивыми людьми и им труднее, чем детям из полных семей, устроить свою личную жизнь. Им кажется, что их обязательно предадут. Скорее всего, так оно и есть, но это происходит с детьми не такими умными, как ты.

– Может, я и умная, но у меня тоже сейчас душевная травма! – возразила Вика.

– Это потому что ты не хочешь подумать, а просто обижаешься. Дети, Викуля, очень эгоистичны, они всегда думают только о себе, так заложено природой, но иногда бывают обстоятельства, когда ребенку необходимо подумать и о ком-то другом. Тебе сейчас кажется, что рушится весь твой уютный мир, где есть мама и папа, они всегда рядом, и ты хочешь, чтобы так было всегда.

– А так и должно быть! – стукнула по столу ладошкой Вика.

– Ты очень хочешь собаку, представь себе, что она у тебя есть.

– Представила.

– А теперь представь, что ты точно знаешь, что этой собаке будет гораздо лучше у другой девочки, что твоя собака тебя любит, но ты знаешь, что ту девочку она любит больше, и им очень хорошо вдвоем.

– Она меня любит, но грустит, лижет мне руку, но она печальная? – уточнила Вика.

– Именно так. Представляешь?

Вика кивнула, она даже видела перед собой эту печальную собаку.

– Что ты сделаешь: оставишь ее у себя или отдашь той девочке?

– Отдам, – вздохнула Вика.

– Вот, значит, ты, даже очень любя эту собаку, прежде всего подумала, как будет лучше ей. А теперь постарайся так же подумать и о родителях, как лучше для них. Твой папа никогда не перестанет быть твоим папой и всегда будет любить тебя, ты же знаешь, но сейчас ему очень плохо, он любит и уважает маму, но ту, другую женщину, он любит больше. Нельзя его удерживать или обвинять, иначе он всю оставшуюся жизнь станет чувствовать себя несчастным.

Пример с собакой произвел на Вику неизгладимое впечатление, странным образом упорядочив мысли в ее голове. Она действительно была не по годам умной и понимала все не так, как ее сверстники, а по-взрослому, что неудивительно при таких родителях и замечательной бабушке.

В выходной они гуляли с папой в парке, Вика уплетала мороженое, которое быстро таяло и текло по рукам. Папа посмотрел на нее большими глазами и сказал:

– Больше всех из нас страдаешь ты. – Он достал носовой платок и стал вытирать дочери руки.

– А вы не страдайте, – ответила Вика, – разведитесь, пока не разругались совсем, мы же все равно останемся родными и близкими.

– Все не так просто, – вздохнул папа.

– Да что сложного-то, – возразила десятилетняя Вика. – Конечно, мне обидно, что ты больше не любишь маму, как раньше, но бабушка говорит, что так бывает. Лучше остаться хорошими друзьями.

Папа рассмеялся.

– Нельзя было называть тебя Викторией при такой фамилии, слишком ты умная и решительная.

– В сочетании с такой фамилией любое имя, что ни дай, не поможет. Вот мама, например: Вера Шалая – это вообще какая-то актриса из немого кино!

– Поверь мне, Виктория Шалая, это убойное сочетание, – первый раз за долгое время развеселился папа.

А потом они с мамой развелись, тихо и спокойно, без скандалов и дележа имущества, умудрившись действительно остаться близкими друзьями и родными людьми. Мама даже подружилась с папиной лаборанткой, и они с Викой были у них на свадьбе. Через год папа перевелся в другой институт, они уехали вместе с семьей в Питер, у них родился мальчик, Викин братик.

– И что ты собираешься делать? – встревоженно смотрела на нее мама.

– Сейчас я возьму нашу машину, и мы со Степкой уедем.

– Куда? К кому? – чуть не плача, возмущалась Вера Николаевна.

Вика посмотрела на часы и заторопилась дать указания.

– Кто бы вас ни расспрашивал, рассказывайте всем одно и то же. Значит, так: когда я узнала про Степкину болезнь, то обзвонила разные детские клиники и санатории. Я решила, что надо сначала попробовать полечить его, а оперировать, только если не будет другого выхода. Вчера вечером мне позвонили из какой-то клиники (какой – вы не знаете) и сказали, что могут нас принять, но надо утром уже быть на месте. Дежурного врача я не нашла, поэтому забрала Степку и ушла из больницы, никого не предупредив, боялась, что не отпустят. Дальше: я приехала сюда, взяла машину, собрала вещи, документы и поехала ночью на Курский вокзал, а ты, мама, должна утром забрать машину со стоянки.

– Почему она тогда просто тебя не отвезла? – спросил Олег Николаевич.

– Потому что, если бы не было в это время подходящего поезда, я поехала бы на машине. Олег Николаевич кивнул, соглашаясь.

– Я торопилась, поэтому не сказала, куда еду, обещала позвонить сразу, как мы устроимся. Какие бы представители власти, друзья и знакомые вас ни расспрашивали, рассказывайте только эту версию.

– Викуля, – постаралась урезонить ее мама, – мне кажется, что ты играешь в детектив, все это как-то несерьезно, мелодраматично, что ли!

– Вера, – ответил вместо Вики Олег Николаевич, – даже если от страха за ребенка она и перегибает, то в одном Вика права: лучше перестраховаться, чем недооценить ситуацию. А оценить ее реально мы сейчас не сможем, у нас слишком мало фактов и времени.

– Спасибо, Олег Николаевич! Главное, убедить их, что я никому ничего не рассказала. Пусть думают, что если я и догадалась о чем-то, то испугалась так, что просто спряталась с ребенком. Думаю, это подтолкнет их к более активным и решительным действиям.

– Когда ты позвонишь? – спросила Вера Николаевна.

– Я не позвоню, – устало ответила Вика.

– Я что-то плохо соображаю сегодня. Почему? – спокойно спросила мама.

– Если я позвоню, то очень просто взять распечатку звонков и выяснить, с какого телефона я звонила, а значит, узнать и мое местонахождение. Кстати, контролируйте, что говорите по телефону, я не знаю, насколько серьезная эта организация, но в наше время прослушать телефон совсем несложно. А сотовым я пользоваться не буду.

– И как мы узнаем, что у вас все в порядке и вы живы-здоровы? – Державшаяся весь этот нелегкий разговор мама заплакала.

Вика потянулась через стол и взяла маму за руки.

– Не плачь, мамочка, ты все-таки Вера Шалая. Я об этом подумала, мы будем поддерживать связь.

– Как? – спросила мама, вытирая слезы полкой халата.

– Олег Николаевич даст мне номер телефона своего знакомого, к которому часто заезжает в офис по работе.

– Игоря? – уточнил Олег Николаевич.

– Да, вы рассказывали, у вас совместный проект.

– Так и есть, мы встречаемся каждый день, то у него в офисе, то у меня, – пояснил он, вставая с места.

Мужчина вышел из кухни и вернулся минут через пять, одетый в джинсы и свитер, и протянул Вике визитку.

– На обороте я написал номер в его кабинете, прямой, не через секретаршу.

– Вы читаете мои мысли. Завтра, скажем, в два часа, я туда позвоню.

– Олег, ты куда? – спросила Вера Николаевна.

– Пойду пригоню машину из гаража.

Вика встала, подошла к нему, обняла и уткнулась головой ему в грудь. Он обнял ее и гладил по голове своей большой, теплой успокаивающей ладонью.

– Ничего, Викуля, ты молодец, ты все правильно делаешь, девочка. – Он усмехнулся: – жалеешь теперь, что отказалась от новой машины?

– Мне сейчас и наша «трешка» вполне подойдет, а такой дорогой подарок можно рассматривать как подкуп дочери той дамы, за которой вы ухаживаете.

– Я за ней не ухаживаю, я на ней женюсь! – возразил он, поцеловал Вику в макушку и вышел из кухни.

– Мам, мне надо собрать вещи и документы.

– Я помогу.

Вика взяла только самое необходимое, но рюкзак значительно потяжелел, когда она надела его на плечи. Вера Николаевна вынесла уже одетого Степку в прихожую.

– Мамочка, я очень тебя прошу, не изводи себя переживаниями. Ты не имеешь права заболеть от волнения, мне сейчас очень нужен надежный тыл, иначе мне не справиться! – умоляюще попросила Вика.

– Я до сих пор не могу поверить в то, что происходит, – покачала головой Вера Николаевна. – Но ты за меня даже не вздумай переживать, твой тыл тебя не подведет!

Вика обняла маму вместе со Степкой, спящим у нее на руках, поцеловала ее и сказала, забирая сына:

– Я взяла цепочку с барашком, которую папа подарил. Если к тебе придет кто-нибудь и передаст ее, ты будешь точно знать, что этот человек от меня и ему можно доверять.

– Какой человек, Вика? – тут же, впадая в панику, спросила мама.

– Пока не знаю, но я обязательно найду того, кто мне поможет! Обязательно! – утвердила, скорее для себя, чем для мамы, Вика.

Вика отодвинула до упора переднее пассажирское кресло, а за водительское сиденье засунула рюкзак, надежно упаковав таким образом Степку, спящего сзади, завела машину и прикинула, как лучше добраться до следующего пункта ее плана.

– Веду себя как разведчик в тылу врага! Может, я крышей поехала, какой-нибудь синдром преследования? – спросила себя молодая женщина.

Паника! Вот что она сейчас почувствовала!

Что она вытворяет?!

Что она насочиняла?! Подслушала разговор двух медсестер в больничном клозете и решила, что какие-то злодеи-врачи хотят отнять почку у сына! Это же маразм! Может, девицы фильм обсуждали или насочиняли ужасов, а она кинулась Степана спасать!

– Что я делаю?! Господи, что я делаю?!

Ей совсем не хотелось уезжать от дома, от мамы, от своей уютной постели, от теплой любимой квартиры. Следом за паникой и отчаянием, порожденным ею, пришла совсем страшная мысль:

«А если Степан действительно серьезно болен, я ведь не специалист и ничего не понимаю в этом! Я унесла его из больницы, а вдруг я наврежу этим ему невероятно?!»

Она задохнулась от этой мысли, прижала от страха ладонь к губам и прошептала совсем уж страшное:

– А если промедление для него смертельно?!

Слезы, на которые у нее просто не было сил все эти дни, покатались сами собой – по щекам, по ладони, прижатой к губам.

– Мама права, – прошептала Вика. – Я придумала себе плохой детектив от беспомощности перед Степкиной болезнью. Мне просто надо найти виноватых, вот я и нашла: врачей-изуверов! О господи! Что я натворила?!

Она торопливо дрожащей, мокрой от слез рукой завела заглохнувшую машину.

– Надо срочно вернуться в больницу! Извиниться. Нас ведь примут назад! Обязательно примут! Я придумаю что-нибудь, а хоть бы про ту же клинику!

Выруливая со двора на улицу, Вика вдруг с размаху нажала на тормоза и неизвестным ей до сих пор, вылезшим откуда-то из ее шалого существа, замешанного на материнском инстинкте, чутьем, сделавшим голос низким и утробным, проорала, приказывая себе:

– Стоять! Ты куда, идиотка?! Сбрендилась?!

Она откинулась на спинку сиденья, прикрыла глаза, давая возможность заполнить сознание этому чутью и инстинкту, избавляющему от приступа трусливой паники.

«Боже мой, я только что чуть не отвезла Степана назад!»

Паника отступила, оставив в покое рассудок и мелкую дрожь в руках как напоминание.

– Так не пойдет, – прошептала Вика, глядя на трясущиеся руки, – так можно и ребенка угробить!

Она заставила себя вспомнить подслушанный разговор, еще раз сопоставить все факты, прокручивая и прокручивая в голове каждое услышанное слово.

Да, она не врач и не специалист, но она мать, которая всегда точно чувствует и знает, болен ли ее ребенок или здоров. Они два организма, настроенные друг на друга, и любое недомогание или просто плохое настроение каждый из них улавливает в другом мгновенно. Она не могла ошибиться! Она с самого начала чувствовала, что происходит нечто неправильное, нелогичное! Ведь чувствовала!

«Степка здоров! Я это точно знаю, я чувствую это всеми своими потрохами! И потом, что это за патология такая, которую не выявили за всю его жизнь и которая никак не проявлялась, а тут на тебе – полгода назад был здоровехонек, и вдруг операция?!»

– А теперь бойтесь меня! – зло сказала она сквозь зубы. – Я вам устрою ледовое побоище и Куликовскую битву!

Поворачивая на нужную ей улицу, Вика все еще продолжала ругать себя за минутное помешательство и слабость.

«Если хочешь спасти ребенка, Шалая, то засунь все свои страхи и панику сама знаешь куда! Соберись! Это непозволительная роскошь для тебя – впадать в истерики! Думай, просчитывай! И смотри по сторонам!»

– Второй раз за ночь, и, скорее всего, не последний, я бужу людей сегодня ночью, – ворчала Вика, не отрывая пальца от кнопки звонка на кирпичном столбе, поддерживающем железные ворота.

Со двора на высоченные ворота кидались две овчарки, заходясь в неистовом лае.

Вика приехала в частную автомастерскую, хозяином которой являлся ее одноклассник Витя Серов. У него была квартира в Москве, но он предпочитал жить здесь же, в огромном помещении над мастерской, на втором этаже, которое умудрился превратить в почти жилую однокомнатную квартиру, со стильной, большой кухней-столовой, кроватью невероятных размеров, тренажерным залом. Очень по-американски: огромных размеров и в одном флаконе, как говорится в рекламе, то бишь без перегородок и стен.

Отслужив в армии, Витя окончил школу милиции, стал работать и поступил на юрфак, на заочное отделение. Но бросил как отрезал, в один момент, и вместе с двумя компаньонами открыл частную мастерскую. Где он взял на это денег и как вообще у него все получилось, Вика не знала и никогда не задавала ему вопросов об этом. Витя был талантом во всем, что касалось автомобилей, мог из любой «убитой» машины собрать суперавтомобиль.

Вика совершенно наглым образом эксплуатировала знакомство с ним и их многолетнюю дружбу, используя Витю как неотложку для своей старой потрепанной «трешки», подаренной ей на восемнадцатилетие родителями с бабушкой, двенадцать лет назад.

Наконец хозяин появился на балконе второго этажа и, смачно выматерившись, поинтересовался, кого там такая-то мать принесла на его голову.

– Серов, открывай! – проорала Вика.

Ворча себе что-то под нос, он спустился по лестнице, посадил собак на цепи и открыл ворота.

Вика усмехнулась, осмотрев приятеля: на голых ногах, не упакованных в брюки или джинсы, красовались расшнурованные ботинки, верхнюю часть туловища Витя прикрыл от ноябрьской стужи засаленным ватником.

– Шалая, ты что, сдурела? – поинтересовался он, распахивая створки ворот.

– Клевый прикид! – пошутила Вика.

– Может, мне смокинг надеть в четыре утра? – бурчал недовольно он.

– Не ворчи, Витенька!

– Загоняй машину, – распорядился хозяин не самым благостным тоном.

Вика села за руль и заехала во двор.

– Что случилось-то? Вроде не стучит даже? – спросил Витя. – Сейчас гараж открою.

Вика вышла из машины, обошла ее и, распахнув переднюю дверцу, отодвинула сиденье.

– Погоди гараж открывать, сначала поговорить надо, – ответила она, доставая Степана с заднего сиденья.

– Ты еще и ребенка ночью с собой таскаешь, совсем с ума сошла!

Виктор взял мальчика, поднялся в дом, положил Степана на свою огромную кровать и пошел ставить чайник. Вика не стала раздевать сына, только расстегнула и распахнула на нем курточку – уезжать скоро.

Ну, не сын у нее, а клад! Мать всю ночь таскает его по Москве, а он спит себе и хоть бы что!

– Здоровый детский сон! – прошептала Вика умиленно и, погладив сына по голове, пошла в кухонный угол квартиры.

– Шалая, для тебя же будет лучше, если у тебя очень, очень серьезное дело, – предупредил Витя, наливая себе огромную кружку чая.

Вика давно подозревала, что у него гигантомания. Или в таком огромном пространстве маленькая кружка была бы неуместна?

– Очень. Вить, я оставлю у тебя свою «трешку», а ты мне дашь другую машину.

– А ключи от квартиры... – бухтел Серов.

– Нет, машину. Если кто-нибудь, даже наши общие знакомые или друзья будут спрашивать про меня, скажешь: приехала ночью, оставила машину на ремонт, придумаешь, что там могло сломаться, чтобы я дотянула от Садового до тебя. Потом ты поймал такси, посадил нас со Степкой, и мы уехали на Курский вокзал.

– Убила, что ли, кого-то? – попытался шутить Витя.

– Нет, но подумываю над этим. Я сомневаюсь, что тебя потревожат, но бог знает.

– Что случилось, может, помощь нужна? У меня остались старые связи. Да и сам кое-что могу.

– Помощь нужна. Мне очень нужно, чтобы ты дал мне машину, помог найти по гаишной базе человека и благополучно об этом забыл.

– Викуль, – окончательно проснувшись, встревоженно спросил Витя, – во что ты вляпалась?

– Вить, я обязательно тебе расскажу, но когда все закончится. Ладно? Дашь машину?

– Шалая, ты что, совсем? Конечно, дам. А что предполагается: погоня или поездки на дальние расстояния?

– Пока не знаю, возможно, и то и другое.

– Тогда бери джип «Ровер». Он хоть и старенький, но мотор зверь, я сам делал, не подведет.

Он подошел к кровати, взял висевшие на спинке джинсы и оделся.

– Пошли вниз, в контору. Я тебе доверенность напишу и компьютер там. Ты кого найти хочешь?

– Мне надо по номеру узнать, кто хозяин и его адрес. Это возможно?

– Да, но учти, на машине может ездить совсем другой человек, по доверенности, а вот его координаты в базе не найти.

Он быстро заполнил и передал Вике доверенность, затем перекатился вместе со стулом вдоль длинного стола к компьютеру.

– Говори номер. Марку машины знаешь?

Он пощелкал мышкой, запустил программу поиска и с удовольствием зевнул:

– Весь сон перебила!

– Мы сейчас уедем, и ты доспишь. Вить, это важно: ты нас посадил в такси и больше ты ничего не знаешь!

– А если спросят номер такси?

– Скажи: было темно, не запомнил.

– Вика, ты о чем? – даже немного обиделся он. – Как автослесарь может не запомнить номер машины?

– Да уж! – Она подумала. – Тогда назови какой-нибудь, который ты точно знаешь, что его нет сейчас в городе, или сочини. Ну, не ловить же мне такси, на самом деле!

– Ладно, не паникуй, что-нибудь придумаю! Шалая, ну ты что, совсем поглупела от переживаний? Ау! – И он помахал рукой у нее перед лицом. – Это я, Витя Серов, твой друг и товарищ, чего ты волну-то гонишь? Лучше быстро рассказывай, что случилось, я помогу, ты же знаешь!

Она Витю знала, поэтому и приехала именно к нему!

Она его знала, еще как!

У них был очень дружный класс. Если они срывались с уроков, то всем коллективом, ходили в кино или просто наслаждались мороженым в кафе. Делали они это редко, но уж если делали, то дружно! Учителя перед таким коллективным выступлением терялись и не знали, кого наказывать. Найти зачинщиков было невозможно: класс своих не выдавал. Наказать всех

одинаково? Ну, наказывали: выставляли двойки в журнале и сами же их потом исправляли, когда ученики писали дружно контрольные по пропущенным урокам, и что с того?

Но в восьмом классе единение закончилось, на радость учителям, которым всегда проще справиться с мелкими группками, чем со сплоченным коллективом.

В восьмом классе к ним пришли трое новеньких: два мальчика и девочка.

Девочку звали Марина Гуляева, и была она не-обыкновенной красоты и столь же необыкновенных амбиций. Про свою красоту она знала, очень умело ею пользовалась, а для полной обоймы была еще и отличницей.

Девочке Марине удалось то, чего не смогли добиться учителя, – с ее приходом класс разделился на группы, группочки и кланы.

Мальчишки, все без исключения, сразу влюбились в Марину, мгновенно забыв про всех остальных одноклассниц. Пацаны, каждый по-своему, добивались ее благосклонности, таскали за ней портфель, дарили подарки, да что только не выделяли! А Марина умело и с явным удовольствием ими пользовалась как хотела.

Нет, ну бывают же такие девочки, которые с рождения умеют манипулировать мужчинами!

– Это врожденное, как талант, который либо есть, либо его нет! – объясняла Вике бабушка, когда девочка с негодованием рассказывала ей про интриги, начавшиеся в классе.

А девочки-то, девочки! Они не отставали от мальчишек, разделились на две группы: одна игнорировала Гуляеву, делая вид, что ее не существует, а вторая, надо сказать большая, состояла из тех, кто заискивал перед ней, добиваясь дружбы и благосклонности. Во второй группе были свои интриги: кого-то Марина допускала ближе, кого-то отлучала, и им надо было очень постараться, чтобы вернуть ее расположение.

– Обычная взрослая жизнь! – говорила бабушка. – Привыкай, Викуля!

Не избежал этой безнадёжной влюбленности и Витя Серов. Но вел он себя не как остальные мальчишки, томился и страдал молча, скрывая от окружающих переживания. И только Вика с Ольгой знали о его безнадёжных чувствах.

Они дружили втроем с первого класса. Как-то так сложилось, что их дружбу, совершенно необыкновенную и практически невозможную в таком возрасте – мальчик с девочками, – все одноклассники и дворовые ребята принимали как само собой разумеющееся, никогда не подвергая насмешкам, обзываниям или глупым намекам. Как у них это получилось, осталось для них троих загадкой на всю жизнь. Но сложилось здорово!

Видя, как мучается первой влюбленностью друг, Вика, которая всегда была лидером в их троице, объявила экстренное собрание у себя дома, на котором предложила:

– Мы должны что-то придумать, чтобы утереть нос им всем, всему классу! И твоей Мариночке в первую очередь!

– Да не моей! – тяжело вздохнул Витя. – Она сейчас с Денисовым ходит!

– Отбить? – спросила у Вики Ольга.

– Нет! Вернее, да, но не так прямолинейно!

– А как? – заинтересовался Витя.

– Надо сделать так, чтобы она сама начала за тобой бегать! – радостно сообщила Вика.

– Ой, Викуля, это невозможно! – расстроилась Ольга.

– Возможно! – решительно отвергла упаднические настроения Вика. – У меня есть план!

– Вот когда у тебя есть план, Шалая, мы всегда во что-нибудь вдрыпываемся! – перепугался Витя.

– Ну и что? – руководила Вика. – Но всегда все срабатывало, даже если вдрыпывались! Скажете, нет?

– Да, – вздохнула Ольга, – но что нам за это было!

– Ой, да ладно! – поморщилась Вика и махнула рукой. – Все живы и здоровы!

– Шалая, что ты придумала? – забеспокоился Витя, вспомнив все, что пришлось уже пережить из-за ее планов.

– Я подумала, раз Гуляева такая расчетливая, надо сделать так, чтобы ты ее заинтересовал!

– Это чем же? Денисов меня больше, он боксом занимается!

– А мы с ним соревноваться не будем! Мы должны стать отличниками, и не просто отличниками, а известными на всю школу!

– Ты сбрендила, Шалая! Какими отличниками, да еще известными?! – обалдел от такой заявы Витька.

– Не бойсь, Серов! Я же сказала, у меня есть план! Но должна предупредить: твоя Гуляева этого не стоит, вы все как с ума посходили и не видите, какая она стерва!

– Ну и что, что стерва! – заступился за предмет обожания Витя.

– Вот я и вижу, что отговаривать тебя бесполезно, значит, надо просто помочь! Значит, так! С сегодняшнего дня будем делать все уроки вдвоем! Садимся, во всем разбираемся, решаем, что надо учим и проверяем друг друга!

Витя с Ольгой переглянулись и, понимая, что подругу не остановить и придется смириться с неизбежным, безнадежно сдавшись, посмотрели на Вику.

– Да! И будем изучать дополнительную литературу, по всем предметам! А в выходные ходить в музей!

– Совсем с ума сошла! – возмутился Витька. – Какие музеи?! Ты что?!

– А такие! Гуляева, с презрительной миной к нам, сирым, убогим и тупым, рассуждает об искусстве, о художниках известных! Значит, надо, чтобы и ты как можно больше про это знал!

– Я не хочу! – закричал Витька. – У меня секция и футбол с пацанами!

– Секция само собой, а музеи и художники обязательно! – настаивала Вика. – Я все продумала и даже план написала!

– Вика, мы опять куда-нибудь вляпаемся! – высказалась Ольга. – И зачем нам это?

– Чтобы помочь Витьке!

– Шалая, может, мне можно как-то иначе помочь? – высказал надежду Серов.

– Ты хочешь ходить с Гуляевой? – строго спросила Вика.

– Ну да!

– Тогда будем действовать по плану!

И они стали действовать по плану Вики Шалой!

Поначалу Ольга с Витькой сопротивлялись, сачковали, придумывали отговорки, чтобы не ходить в очередной музей или не заниматься вечером уроками, но Вика была настроена решительно и пресекла их трусливые попытки отвертеться на корню!

И что удивительно: очень скоро ее план начал работать!

Через пару месяцев они втянулись в такой режим, и их отметки стали меняться, из троек у Витьки в четверки и пятерки, а у девчонок, твердых хорошисток, на сплошные пятерки. Восьмой класс они окончили на одни пятерки! Все трое! К тому времени Витька уже отличал Моне от Дега и Дали от Врубеля!

И одержали самую главную победу!

Маринка обратила-таки свой заинтересованный взор на Витьку!

Сначала она присматривалась, делала мелкие поощрительные знаки, так, намеком, мол, ладно, я соизволила, можешь подойти ко мне!

– Не вздумай сразу растаять! – поучала Вика. – Ни в коем случае! Делай вид, будто ничего не замечаешь и вообще ею не интересуешься! Тогда она точно начнет сама к тебе клеиться! Вот те крест! – уверяла она.

– Хорошо! – подозрительно быстро согласился Витька.

И великий день настал! Да еще как! Победа! Виктория!

Они сидели втроем на перемене, на лестнице, ведущей на чердак, и, обжигая рот горячим повидлом, уплетали столовские пирожки, трепались ни о чем, спорили, куда сегодня пойти. Здесь их и нашла Марина Гуляева.

Плавной походкой знающей себе цену дамочки, отлично понимающей, как она действует на окружающих, и следящей за каждым своим жестом, Марина подошла к ним.

– Привет! – кинула она небрежно.

– Виделись, – ответила за всех недружелюбно Вика.

– Серов, – обратилась дива к Витьке, в упор не замечая девчонок. – Я иду сегодня видик смотреть к знакомым, хочешь со мной?

Вика с Ольгой затаили дыхание и посмотрели на Витьку.

Под внимательным взглядом трех пар глаз Витька затолкал в рот остатки пирожка, достал неторопливо из кармана носовой платок, вытер пальцы и, продолжая жевать, небрежно ответил:

– Нет, Гуляева, я сегодня занят. Может, в другой раз, как-нибудь...

Маринка лишилась дара речи! И не она одна: Вика даже рот открыла от таких заявлений. Гуляевой никто, никогда, ни в чем не отказывал, даже учителя!

– Нет, Серов! – вышла из оцепенения Марина. – Другого раза не будет! Дважды я никого не приглашаю!

– Нет, так нет, – равнодушно ответил Витька.

Гуляева резко развернулась и ушла твердой походкой, всем видом излучая крайнее негодование.

– Так! – зловещим тоном сказала Ольга. – И что это было?!

Ольга была всегда очень спокойной, не в смысле тихоней или бесхарактерной, а просто не любила конфликтов, разборок. По большей части она принимала Викины планы, и уж если соглашалась с ними, то не отказывалась доводить до конца, даже если в конце им доставалось от родителей. Могла поворчать, отговаривая друзей от очередной идеи, но без огонька и нажима. Но иногда, как сейчас, Ольгу прорывало по полной программе! Она начинала метать громы и молнии и проводила такой разбор полетов, что Вика с Витькой старались отмалчиваться, чтобы не попасть под раздачу. А возмущаться Ольга умела!

– Серов! – очень грозно спросила Ольга. – Ты почему ей отказал?! Мы же для этого все и затеяли!

– Да не хочу я с ней встречаться! – выпалил Витька. – И не нравится она мне!

– Давно не нравится?! – наступала на него Ольга.

– Два месяца! Я с Настей встречаюсь! – сдал себя окончательно Серов.

– С Настей! – задохнулась от возмущения Ольга. – Мы из-за тебя света белого не видим: учимся как проклятые, по музеям и выставкам таскаемся, в театры ходим, чтобы ты мог блеснуть эрудицией! А тебе, оказывается, это давно не надо!

– Почему не надо? Надо! Мне нравится! И с Настей, кстати, мы в Пушкинском познакомились! Помните?

– Помним! – подала наконец голос Вика. – Оль, ну ты чего? Ты что, хочешь, чтобы он с этой дурой Гуляевой встречался?

– Нет, конечно! Но обидно же! – уже спокойней ответила Оля. – План сработал, она сама к нему подкатила, и такой облом!

– Да ничего не облом! Все клево! Вот увидишь, она еще за ним бегать станет! – возразила Вика, улыбаясь, и неожиданно громко рассмеялась.

– Ты что? – спросил Серов, заражаясь ее весельем.

– Я не могу! Как это офигенно было: спокойненько так пирожок дожевал, пальчики вытер и говорит: «Нет, Гуляева, я сегодня занят!» – И она согнулась пополам от безудержного смеха.

– А какая у нее рожа была, вы видели! – подхватила Ольга.

– Да уж! – присоединился к ним Витька.

Они ржали вовсю, успокаивались, но, посмотрев друг на друга, начинали хохотать снова. Над чердачной лестницей разлетался волнами громкий, заразительный смех победителей!

А потом они окончили школу, все втроем получили серебряные медали, учась девятый и десятый класс по Викиному плану, так им понравилось. Девчонки сразу поступили в институты, а Витька пошел работать автослесарем.

– Ты что, Серов, обалдел?! – отчитывали его Вика с Ольгой. – Какая работа? Тебе прямая дорога в институт с таким аттестатом!

– А кормить меня кто будет? Мои предки не могут, они старшего брата учат, на меня у них сил нет!

– Тебя же в армию загребут! – возмущалась Вика.

– Ну и что? Буду единственным в нашей армии солдатом, знакомым с творчеством импрессионистов! – шутил Витька.

В армию его, конечно, забрали, и девчонки писали ему все два года веселые письма. А когда он вернулся, устроили шумную встречу с шампанским и гулянием по ночной Москве.

Но он изменился, сильно изменился!

Что уж он там видел и прошел в той армии, девочки не спрашивали, потому что Витька сразу закрыл эту тему, как захлопнул что-то внутри себя.

И то, что он не мог или не хотел быть откровенным с ними, отдалило от него Вику с Ольгой. Они встречались, чаще по делу, реже просто так – посидеть, поболтать, выпить. Но если кому-то из троицы была нужна помощь, то они, как в детстве, вставали горой друг за друга.

Вика знала, к кому надо ехать в беде!

Компьютер пискнул, оповещая, что программа поиска завершена, Витя повернулся к экрану, разглядывая данные:

– Что мы здесь имеем? Это тот, кого ты искала?

– Да, – выдохнула Вика.

Ей надо было его найти, но она боялась и, черт побери, в глубине души трусливо надеялась, что найти не сможет.

– Итак, – подвел итог Виктор, включая принтер, – Егор Дмитриевич Князев, и адресок прилагается. Учти, это место прописки, а жить он может где угодно, и на машинке его может по доверенности ездить кто угодно.

– Учту, – отстраненно пообещала Вика, рассматривая листок с данными.

Егор открыл глаза и резко сел в кровати, все еще находясь в мучительном сне.

Он потер лицо ладонями, выбрался из постели, чувствуя, что мышцы одеревенели от напряжения, и пошел в кухню. Надо сбросить с себя этот сон, отвлечься. Он включил чайник, взял со стола пачку сигарет, но, задумавшись, так и не закурил.

«Да что за напасть?! С чего вдруг это приснилось? Черт бы тебя побрал, Вика! Пять лет прошло, уже пора даже имя твое забыть!»

Он и забыл! Почти. Ну, почти, почти...

Да и что помнить-то? Ну, встретились, ну, не захотела она ждать, писать и быть с ним, с кем не бывает. Обычная история. Бытовая – встретились, казалось, что любовь, ах, держите нас семеро, с первого, пардон, взгляда! А выяснилось, что мужчине надо ждать и любить на расстоянии...

Ну, и что?

Да, собственно, ничего.

Он уже давным-давно забыл и ее, и те невероятные сутки, проведенные вместе, и не вспомнил бы, если б не этот ночной кошмар. Ну, да, да – почти забыл!

Егор заварил себе крепкого чая, подумал и, достав из шкафчика бутылку с коньяком, добавил немного в чашку.

Завтра, нет, уже сегодня – он кинул взгляд на часы, висящие на стене, почти пять утра – у него выходной и нет никаких операций, но всякое может быть, так что хлопнуть хорошую порцию коньяка в виде успокоительного для души и нервов потревоженных нельзя. Как говорится: работа у нас такая.

«Однако не жарко», – поежился Егор.

Он привык спать голым, и, проснувшись среди ночи, так, голышом, пришлепал в кухню. Вернувшись в спальню, Егор надел халат, тапочки, стараясь не смотреть на постель, как будто оттуда мог выскочить ночной кошмар. Вернувшись в кухню, сделал большой глоток чая и закурил.

Но темные щупальца странного, растревожившего сновидения с Викой Шалой в главной роли добрались до него, и Егор ярко, как кино, вспомнил свой сон.

В самолете он проспал почти весь длительный, изматывающий перелет и видел во сне ее. Это был полусон, полуявь, в которой раз за разом повторялись сцены их любви, вызывая в нем такие чувства, что пришлось положить пиджак на ноги, дабы не шокировать окружающих.

Первую неделю в тропической, жаркой, малярийной Африке она снилась ему каждую ночь, а потом ему стало не до этого. Они работали как каторжные, на износ, сменяя друг друга всего на несколько часов, в промежутках Егор засыпал глубоким, похожим на обморок сном, порой не добравшись до постели по причине отсутствия каких-либо сил.

Когда выдалась небольшая передышка и он на несколько дней вернулся на основную базу за медикаментами, то с удивлением обнаружил, что от Вики не пришло никаких писем или известий. Егор испугался: вдруг с ней что-то случилось? Почти целый день он звонил со штабного телефона, единственного средства связи с цивилизованным миром, и смог выяснить, что, оказалось, зря волновался – с ней все в порядке: она жива, здорова, и у нее все хорошо.

Егор запретил себе об этом думать и раньше времени ринулся назад, в их полевой госпиталь, лечить и спасать жизни воюющих не понятно за что африканцев.

Еще один раз она приснилась ему, месяца через два, после возвращения в Москву. Тогда, проснувшись среди ночи, он запретил себе раз и навсегда думать и вспоминать ее.

И вот сейчас.

Поняв, что уже не заснет, Егор решил, что лучше всего будет заняться упражнениями, прибавив лишний час. Вот это уж точно вычистит из его сознания все воспоминания и отголоски сна.

Егору было одиннадцать лет. Его подстерегли мальчишки из соседнего двора, когда он шел в музыкальную школу со скрипочкой в руке. Они затащили его в переулок, отдубасили по полной программе и сломали скрипку. Он отбивался как мог, не сдаваясь, и кричал и плакал, размазывая по щекам слезы вперемешку с кровью, текущей из разбитого носа, но их оказалось четверо и они были старше.

Побитый, в испачканной и порванной одежде, с поломанной скрипкой в одной руке и футляром от нее в другой, шаркая ногами и низко опустив голову, чтобы никто не видел, как из глаз каплют злые, бессильные слезы, Егор вернулся домой.

Дома находилась только бабушка.

Бабушка у него была уникальная! Татьяна Григорьевна всю жизнь проработала хирургом. Статная, высокая, элегантная, она постоянно курила папиросы, могла, не морщась, махнуть спирту, разговаривала на двух иностранных языках, водила машину, как гонщик, и умела стрелять. Вот такая у него бабушка!

– За что избили? – спросила она, пыхнув папироской.

– За интеллигентность, – ответил Егор, не поднимая головы и шмыгнув носом.

– Да уж, этого добра в тебе навалом, для полноты картины, только очечков не хватает!

Она забрала у него остатки скрипки и футляра, повертела в руках, внимательно рассматривая, и бросила в угол.

– Будем надеяться, что это окончательная точка в твоей музыкальной карьере, – предположила бабушка.

– Будем надеяться, – кивнул Егор.

– Пошли, обработаем боевые раны, – выпустив клуб дыма, весело предложила она.

Татьяна Григорьевна, махнув рукой на все родительские возражения, привела Егора в секцию боевого карате, где работал тренером сын ее бывшего коллеги и друга.

Данный вид спорта тогда в стране запрещали, поэтому секция была, естественно, нелегальной.

Егору очень повезло с учителем.

Он не просто учил драться, он давал им философию боя, глубокий скрытый смысл каждого движения, понимание мира. Многие ребята ушли в другие секции, не всем хотелось разбираться в мудростях и догмах боевого искусства, а Егору нравилось, ему было интересно.

Когда ему исполнилось пятнадцать лет, его подозвал к себе тренер и сказал:

– Занятий не будет.

– Что, нас все-таки прикрыли? – спросил Егор.

Их секцию постоянно пытались прикрыть власти. За эти четыре года, которые занимался Егор, их дважды закрывали, на тренера заводили уголовное дело, но за неимением доказательств не дали ему хода, а тренер находил другое помещение, и занятия продолжались.

– Нет, нас не закрыли. Тренировки закончились для тебя, мне больше нечему тебя учить, Егор. Так бывает, когда ученик перерос своего учителя.

– И что, мне теперь не заниматься?

– Заниматься, и еще больше, чем раньше.

Он протянул Егору листок, на котором были написаны имя, фамилия и телефон.

– Этот человек будет тебя учить дальше, я договорился.

Так Егор попал к Виктору Ивановичу. Парень сразу почувствовал другой, более высокий уровень обучения и так увлекся, загорелся, что почти не вылезал из зала.

А через два года Виктор Иванович сказал ему:

– Егор, у тебя дарование, физическая и, главное, умственная расположенность к боевым искусствам. Не замыкайся на карате, попробуй и другие виды, ушу, например. Есть один уникальный учитель, который может многое тебе дать, но он живет в Питере.

Вечером, за семейным ужином, Егор рассказал о разговоре с тренером.

– Ты этого хочешь? – спросила бабушка, закуривая папиросу, садясь за стол, пачку она всегда клала рядом с тарелкой.

– Да, очень! Мне интересно!

– Но ведь конец десятого класса и ты собирался поступать в медицинский? – разволновалась мама.

– Подожди, Наташ, – успокоил ее отец, похлопав по руке. – Егор, наверняка здесь, в Москве, найдется секция ушу.

– Тот учитель особенный, он не ведет секцию, а берет себе в ученики одного или двоих. К нему многие хотят попасть, но он берет не всех. Виктор Иванович говорит, что меня он возьмет.

– А как же институт? – спросила мама.

– Значит, поступит в Ленинграде, – сказала Татьяна Григорьевна.

Так Егор поступил в Военно-медицинскую академию в Ленинграде и стал заниматься ушу. К концу учебы он имел черный пояс по карате, глубокие знания ушу и стойко выработанный рефлекс на всю жизнь, как дыхание, заниматься каждый день.

Вика остановила машину напротив подъезда, выключила мотор и достала ключи из замка зажигания.

Ключи, свисавшие с зажатого в кулаке брелока, тихо позвякивали. Руки дрожали, слава богу, не той противной дрожью, которая была ее в такси.

«Это просто усталость», – подумала Вика.

Конечно, усталость, и страх, и желание дернуть отсюда куда подальше, и еще целый букет противоречивых эмоций и чувств – не встречаться, не видеть, сбежать в какую-нибудь иную, желательно далекую сторону и увидеть, услышать и, может, задать тот самый, мучавший все эти годы вопрос!

«Надо успокоиться! Что ты так разволновалась?»

Она положила руки на руль, уперлась в них подбородком и посмотрела на стеклянный аквариум подъезда с охранником внутри вместо рыбки.

«Пять лет прошло, почти пять. Тогда был февраль».

Был февраль. Пятница.

Они созвонились с Ольгой и договорились встретиться после работы. Сначала хотели пойти в кино, но ни один фильм из идущих в ближайших кинотеатрах не вызвал интереса, тогда подруги решили просто посидеть в каком-нибудь кафе, выпить кофе и поболтать.

Вика работала бухгалтером в небольшой частной фирме, а Ольга, в не менее частной, менеджером по продажам. К немалой радости подруг, офисы фирм, в которых они трудились, находились в квартале друг от друга, что давало прекрасную возможность часто встречаться.

Вика, освободившись пораньше, зашла за Ольгой к ней на работу. Виктория не сразу нашла подругу среди обычной пятничной вечерней суеты, когда народ, раздражаясь от любых задержек и стараясь не попадаться на глаза начальству, стремится как можно скорее слить с работы. Впереди выходные, у всех планы и долгожданный отдых.

– Викуля! – обрадовалась Ольга, увидев ее. – Ты же меня не бросишь?

– В смысле столкнуть с крыши или в трудную минуту? – уточнила на полном серьезе Вика.

– Второе! – рассмеялась Ольга и объяснила: – Наша замдиректора забыла портфель с документами, а они ей завтра нужны. Она позвонила и попросила, чтобы кто-нибудь его принес. Наш народ, узнав об этом, попрятался по углам, как тараканы, а я неосмотрительно попала начальству под руку. Викуль, это не далеко, она в центре живет, занесем и пойдем кофе пить.

– Пошли, нерасторопная ты наша! – вздохнула Вика.

Ага, сейчас-с-с, «занесем» и пойдем по делам своим! А российская действительность?

Отметилась, а как же! Широкомасштабная стройка во дворе внесла свои коррективы в упорядоченную жизнь нескольких близлежащих домов. Черт его знает почему во время строительства, сравнимого со стихийным бедствием, округа погружается во тьму и хаос – фонари не горят, проходы между домами загорожены, через рытвины и завалы приходится пробираться, как по минному полю. Может, это специфика такая строительства в нашей стране? Ну, вот в такие условия девчонки и попали, свернув с освещенной центральной улицы через арку во двор, объединявший несколько домов, в том числе и искомый ими. Таблички с номерами домов, в соответствии с общей атмосферой, не подсвечивались, и определить в темноте, какая цифра на доме, невозможно!

Холод стоял жуткий. Во дворах, где блуждали подруги, не наблюдалось ни одного прохожего. От просоленного снежного месива вперемешку с вывороченным грунтом, через которое приходилось пробираться, как через полосу препятствий, у Вики совсем промокли старые, ненадежные сапоги, и она чувствовала, как внутри хлупает вода. Ольга, стуча зубами, тихо ругаясь, засовывала себе под мышку то одну, то другую ладошку, чтобы согреться.

Когда они наконец, расспросив старушку, увидев которую, бежали через весь двор с криками «бабушка, подождите!», чем напугали ее чуть ли не до смерти, ввалились в подъезд нужного дома, Вике казалось, что она уже околела. Ольга была не в лучшем состоянии: она так замерзла, что дрожала всем телом и у нее посинели губы.

– Идиотка! – ругалась Вика, стягивая с нее перчатки и растирая Ольге руки. – На улице мороз за двадцать, почему ты в пальто, а не в дубленке?

– Она старая и некрасивая, – хныкала Ольга, уткнувшись в плечо подруги.

– Зато ты, молодая и красивая, будешь прекрасно смотреться на больничной койке! Все, пошли! Какой этаж?

– Четвертый, – вздохнула Ольга.

– Боже мой! Девочки, вы совершенно замерзли! – воскликнула хозяйка вместо «здрасьте», когда открыла им дверь. – Быстро проходите! Раздевайтесь, вам надо немедленно согреться!

– Нет, нет, Елена Александровна, – пролепетала Ольга. – Мы пойдем, вот портфель.

– Никуда вы не пойдете! Сережа! – крикнула она в глубину квартиры.

У них явно было какое-то торжество. Хозяйка, молодая, лет тридцати, симпатичная, стройная женщина, была облачена в вечернее платье и туфли на каблуках. Из квартиры слышался шум застолья: смех, звон бокалов, веселые голоса, негромкая музыка.

Елена Александровна, ухватив обеих девушек за рукава, втащила в прихожую и еще раз громко позвала:

– Сергей!

Пальцы на руках и ногах понемногу оттаивали, появилась такая сильная боль, что у Вики навернулись слезы на глаза. Ольга, испытывая то же самое, с шипением втянула воздух сквозь зубы и, стянув перчатки, затрясла кистями.

В прихожую вышел мужчина, одетый для торжества в строгий, темный костюм.

– Что случилось? – весело спросил он.

– По-моему, они обморозились, – ответила Елена Александровна обеспокоенно.

Мужчина громко позвал в сторону комнаты:

– Егор! Иди сюда!

Крикнув, он шагнул к Ольге и стал расстегивать на ней пальто, Елена Александровна, торопясь, снимала дубленку с Вики.

В прихожую вышел еще кто-то, но Вике было так больно, что она уже ни на кого не обращала внимания.

– Егор, они обморозились, надо, наверное, в горячую воду? – спросил хозяин, усаживая Ольгу на пуфик.

– Нет! – ответил мужчина. – Лена, куда их отвести?

Вику подхватили под локоть, куда-то повели, усадили в кресло, она не видела, зажавшись от боли.

– Сергей, найди две пары теплых носков, и водку, Лена, снимай с нее сапоги и колготки! – отдавал кто-то командирским тоном быстрые и четкие указания.

Тем же тоном ее спросили:

– Как вас зовут?

– Виктория.

– Вика, – стягивая с нее сапоги, велел мужчина, – вам надо снять брюки и колготы.

«Зачем?» – подумала Вика, но безропотно подчинилась.

Вернулся хозяин, принес носки и водку. Вика почувствовала, как на ноги плеснули холодной жидкости, а потом сильные горячие ладони начали растирать ее ступни.

– Не надо, больно! – чуть не заплакала она, стараясь выдернуть ногу из мучавших ее рук.

– Терпи! – приказал экзекутор и принялся за вторую ступню, продолжая отдавать приказы. – Сереж, им надо коньяку выпить.

– Сейчас сделаем!

Растерев ее ступни так, что Вике казалось, будто их ошпарили, он опять распорядился:

– Лен, надень ей носки, а я вторую девочку посмотрю.

Вике натянули на ноги носки и сунули в руки бокал с коньяком. Боль уходила, уступая место ощущению, что руки, ноги и щеки горят огнем.

Девушка выпила коньяк и потянулась за своими брюками, валявшимися возле кресла. Она вытащила из брюк колготки и, не вставая с места, стала натягивать на себя.

– Как вы умудрились так замерзнуть? – спросил тот же командир.

– Мы никак не могли найти дом, там у вас стройка, темно, табличек с номерами не видно, прохожих почти нет, а те, у кого мы спрашивали, ничего не знали, – ответила Ольга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.